

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 342.1

EDN: AMPYFZ

doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-1-1

УЧРЕЖДЕНИЕ СОВЕТСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА, 1918–1924

Ринат Ряшитович Акжигитов

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

makwwwin@yandex.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* В российской теории государства тема федерализма закономерно занимает выдающееся место с учетом славной истории советской и Российской Федерации. В то же время исследование его начальной стадии особенно актуально на фоне попыток западных авторов дискредитировать российскую федеративную модель как «недолжную», «неправильную», непохожую на американский вариант федеративных отношений. *Материалы и методы.* Анализ процесса федерализации в нашей стране осуществлялся на базе опубликованных государственно-правовых источников комплексно – с применением не столько историко-правовых, сколько историко-государствоведческих подходов. Был использован широкий круг опубликованных источников, статей и монографий. Чрезвычайно полезными оказались сравнительный метод применительно к решению национальных проблем в различных регионах, а также методы анализа и синтеза. *Результаты.* Первые документы советской власти, принятые в 1918 г., не содержали должной конкретики, что объясняется отсутствием необходимого практического опыта. Трудности решения национального вопроса в 1918–1919 гг. показаны на примере Туркестана и Татаро-Башкирской Республики. Продemonстрирована ограниченность ресурсов большевиков в отношении Прибалтики. Дано объяснение повышенной конфликтности на Украине и отмечены ошибки руководства большевиков в плане излишней снисходительности к украинскому национализму. При этом И. В. Сталин был в большей степени стратегическим реалистом, чем В. И. Ленин, ограничившийся решением лишь тактических задач. Договор от 30 декабря 1922 г. о создании СССР был в известной мере договором о намерениях. Его доработка и конкретизация велись в течение всего 1923 г. Руководству партии пришлось противодействовать скрытым маневрам украинских националистов и мусульманских сепаратистов, что демонстрируют материалы XIII съезда РКП(б) и V Совещания ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик. Таким образом, удалось отстоять оптимальную в своих первоначальных набросках конструкцию СССР в составе четырех союзных республик, стержнем которой выступала доминирующая по площади и населению РСФСР. *Выводы.* Процесс федерализации нашей страны следует понимать не узко, сводя все к Союзному договору 30 декабря 1922 г., а широко – во всей его продолжительности и комплексности. В начале 1922 г. заканчивается предварительный этап консолидации советских республик, а процесс протофедерализации окончательно завершился в конце 1922 г. Само учреждение федеративного государства в течение 1923 г. сконцентрировало в себе два одновременно идущих процесса – конституционное закрепление и формирование институтов. Этим СССР отличался от классических буржуазных федераций (например, США), где эти процессы развивались последовательно, поскольку чрезвычайные условия организации нашей страны требовали концентрации всех усилий.

Ключевые слова: советский федерализм, протофедерализация, договор об образовании СССР от 30 декабря 1922 г., конструирование СССР, украинский национализм, мусульманский сепаратизм, руководство СССР

Для цитирования: Акжигитов Р. Р. Учреждение советского федерализма, 1918–1924 // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2025. Т. 13, № 1. С. 3–11. doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-1-1 EDN: AMPYFZ

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Original article

INSTITUTION OF SOVIET FEDERALISM, 1918–1924

Rinat R. Akzhigitov

Penza State University, Penza, Russia

makwwwin@yandex.ru

Abstract. *Background.* In the Russian theory of the state, the topic of federalism naturally occupies a prominent place, bearing in mind the glorious history of the Soviet and Russian Federation. At the same time, the study of its initial stage is especially relevant against the background of attempts by Western authors to discredit the Russian federal model as "improper", "incorrect", unlike the American version of federal relations. *Materials and methods.* The analysis of the federalization process in our country was carried out on the basis of published state and legal sources in a comprehensive manner – using not so much historical and legal approaches as historical and state studies approaches. A wide range of published sources, articles and monographs was used. The comparative method as applied to the solution of national problems in different regions, as well as the methods of analysis and synthesis, proved to be extremely useful. *Results.* The author stated that the first documents of the Soviet power, adopted in 1918, did not contain the necessary specifics, which can be explained by the lack of the necessary practical experience. The difficulties of solving the national question in 1918–1919 are shown using the example of Turkestan and the Tatar-Bashkir Republic. The limited resources of the Bolsheviks in relation to the Baltics are demonstrated. An explanation is given for the increased conflict potential in Ukraine and the mistakes of the Bolshevik leadership in terms of excessive leniency towards Ukrainian nationalism are noted. At the same time, I.V. Stalin was more of a strategic realist than V.I. Lenin, who limited himself to solving only tactical problems. The Treaty of December 30, 1922 on the creation of the USSR was, to a certain extent, an agreement of intent. Its revision and specification were carried out throughout 1923. The party leadership had to counteract the hidden manoeuvres of Ukrainian nationalists and Muslim separatists, as demonstrated by the materials of the 13th Congress of the RCP(b) and the 5th Conference of the Central Committee of the RCP with responsible officials of the national republics. Thus, it was possible to defend the optimal design of the USSR in its initial outlines consisting of 4 union republics, the core of which was the RSFSR, dominant in area and population. *Conclusions.* The process of federalization of our country should not be understood narrowly, reducing everything to the Union Treaty of December 30, 1922, but broadly - in all its duration and complexity. In early 1922, the preliminary stage of consolidation of the Soviet republics ended, and the process of proto-federalization was finally completed at the end of 1922. The very establishment of the federal state during 1923 concentrated two simultaneously ongoing processes – constitutional consolidation and the formation of institutions. In this, the USSR differed from classical bourgeois federations (for example, the USA), where these processes developed sequentially, since the extraordinary conditions of the organization of our country required the concentration of all efforts.

Keywords: Soviet federalism, proto-federalization, treaty on the formation of the USSR of December 30, 1922, construction of the USSR, Ukrainian nationalism, Muslim separatism, leadership of the USSR

For citation: Akzhigitov R.R. Institution of Soviet federalism, 1918–1924. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal "Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo"* = *Electronic scientific journal "Science. Society. State"*. 2025;13(1):3–11. (In Russ.). doi:10.21685/2307-9525-2025-13-1-1

Учреждение любого федеративного государства – это сложный процесс, на который влияют обстоятельства особого рода (предпосылки) и тактического плана (причины) и который включает этапы протофедерализации, конституционного закрепления достигнутых договоренностей и формирования институтов [1, с. 36]. Особенностью учреждения советского

федерализма являлось то, что этот процесс протекал на фоне Гражданской войны и нэпа. Иными словами, собирание **постсамодержавных земель** происходило после их предшествующей дезинтеграции и на совершенно новых формационных основаниях – в провозглашенном бесклассовом обществе.

На уровне теории пришедшие к власти большевики не могли до конца определиться, какое государство они строят и нужно ли им вообще государство. Правда, исходя из практических соображений они на словах взяли курс на создание федерации, о чем и было заявлено в «Декларации прав трудящихся и эксплуатируемого народа» (январь 1918 г.). В ней, в частности, говорилось, что «Советская Российская Республика учреждается на основе свободного союза свободных наций, как федерация советских национальных республик». При этом уточнялось, что предоставляется «рабочим и крестьянам каждой нации принять самостоятельное решение на своем собственном полномочном съезде: желают ли они и на каких основаниях участвовать в федеральном правительстве и в остальных федеральных советских учреждениях»¹.

По сути, упомянутый документ был декларацией о намерениях. «Ни о каких конкретных нациях не упоминалось, не оговаривался и порядок достижения или заключения такого союза. Республика учреждалась сверху...» [2, с. 263]. В принятой Конституции РСФСР в июле 1918 г. конкретики, по сути, не прибавилось. Статья 11 только фиксировала возможность образования автономных областных союзов, входящих в Российскую Федерацию². В связи с этим было бы безосновательным говорить о существовании у большевиков и В. И. Ленина какого-либо четкого плана автономий, как об этом пишет А. Ф. Югай [3, с. 10]. Другой крайностью является утверждение, что «...субъектами РСФСР первоначально предполагались самостоятельные советские национальные республики» [4, с. 30]. Не надо стесняться признаться, что строительство Советского государства происходило хаотично, с учетом меняющейся расстановки политических сил и весьма еще не устоявшегося этнического фактора. Скажем, в Туркестанском крае первоначально у местных большевиков не было точек соприкосновения ни с коренным населением «в лице трудящихся», ни с автономистским национальным движением [5, с. 101]. Только 30 апреля 1918 г. была образована Туркестанская Советская Республика как автономное образование, которое являлось «промежуточной стадией между федерацией, основанной на советской областной автономии, и федерацией, основанной на договорных отношениях с независимыми республиками» [6, с. 46]. Терская Советская Республика была провозглашена в феврале 1918 г., а Кубано-Черноморская Республика родилась в мае 1918 г., Донская Советская Республика институционализировалась в марте 1918 г., тогда же Социалистическая Республика Тавриды стала реальностью.

Большие трудности возникли при реализации идеи Татаро-Башкирской Республики. В то время как татарские национальные деятели стремились к созданию единой тюркской нации и единого территориального образования, эту идею не поддерживали башкиры. Скоротечным оказался и предшествующий проект Урало-Волжского штата (его пытались реализовать в 1918 г.). Мыслилось, что в него должны войти территории, где мусульмане составляют большинство или хотя бы русские находятся в меньшинстве. Предполагалось, что в него должны войти вся Уфимская губерния, часть Казанской, Симбирской, Самарской, Оренбургской, Пермской, Вятской губерний³.

Несмотря на утопичность плана, предусматривалось создание суперкрупного и сложного в этническом отношении субъекта [7, с. 271], от него окончательно Москва отказалась только в декабре 1919 г., в то время как башкирская автономия в составе РСФСР образовалась

¹ Образование СССР. Сборник документов 1917–1924 / под ред. Э. Б. Генкиной. М ; Л. : Академия наук ССР, 1949. 474 с.

² Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. Принята V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г. // Исторический факультет Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова : сайт. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/cnst1918.htm> (дата обращения: 27.06.2024).

³ Урало-Волжский штат // Татарская энциклопедия : в 6 т. Т. 6: У-Я. Казань : Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2014. 719 с.

раньше – в марте 1919 г., а Татарская Автономная Советская Республика – только в конце мая 1920 г. [8].

Руководство большевистской партии в связи с обострившимися рисками Гражданской войны со второй половины 1918 г. не имело возможности системно заняться национальным вопросом. Более того, с 1919 г. получают широкое распространение «фантазии о мировой социалистической революции». Повод для этого давали символические успехи Ноябрьской революции в Германии 1918 г., Советская Республика в Венгрии, забастовки солидарности с Советской Россией в странах запада. В итоге на VIII съезде РКП(б) в марте 1919 г. многие видные большевики (Н. И. Бухарин, Г. Л. Пятаков, М. П. Томский) вопреки позиции В. И. Ленина предполагали отказаться от лозунга права наций на самоопределение как недостаточно революционного, пробуржуазного, не содействующего мировой пролетарской революции [9, с. 35–36]. Однако на практике острота момента требовала более деликатного отношения как к национальным чувствам этносов, так и к координации их усилий в победе в Гражданской войне.

Более сложным оказалось решение национальных проблем на приграничных территориях – прежде всего западных, более всего затронутых Первой мировой войной. Независимость Польши и Финляндии большевикам пришлось признать практически сразу. Видя на Прибалтику они вынуждены были неоднократно корректировать. Так, литовская элита оказалась наиболее радикальной среди прибалтийских элит [10]. В дискуссиях о будущем Литвы обсуждались три пути: автономия в составе Российского государства, федерация с Польшей и полная независимость. «...Политическая память о бывшем могущественном государстве от Балтийского до Черного морей возвращалась к литовцам, но усиливала и антипольскую, и антирусскую направленность» [11, с. 59].

Независимая буржуазная Литовская Республика была провозглашена 16 февраля 1918 г., т.е. незадолго до Брест-Литовского мирного договора, а в дальнейшем была проигнорирована немецкими оккупантами. После ухода последних 16 декабря 1918 г. большевиками была учреждена Литовская Советская Республика, а 27 февраля 1919 г. – Литовско-Белорусская Советская Социалистическая Республика. Однако вторжение польских войск положило конец советской власти, и независимая буржуазная Литва возникла только в результате Московского договора 12 июля 1920 г.

В других Прибалтийских республиках – Латвии и Эстонии, национальное движение имело более прочные корни: оно выросло «в результате протеста против преобладания немецких купцов, промышленников и земледельцев...» Здесь прочному установлению советской власти помешали действия британского военного флота. Позднее, столкнувшись с экономическими санкциями Запада, советское правительство признало для себя полезным независимый статус Латвии и Эстонии для использования против Риги и Таллина [12, с. 250, 251].

Украина, не имевшая до революции массового рационалистического движения, обнаружила еще в период Временного правительства сильное стремление к независимости. Она даже в сентябре 1917 г. с целью «раскачать ситуацию» устроила подстрекательский Съезд народов России, чтобы самонадеянно и без всякого на то права, в самый неподходящий для того внутриполитический момент встать во главе движения за федерализм. В Киев приехали 93 делегата: «белорусы, грузины, эстонцы, евреи, латыши, литовцы, поляки, румыны, татары, русские (от партии эсеров), а также казаки. К акции присоединились Союз горских народов Северного Кавказа, ташкентские мусульманские организации, томская конференция сибирских общественных организаций, якутский союз федералистов-трудовиков и др.» [13, с. 143].

Украина после Октябрьской революции 1917 г. стала полем сверхповышенной конфликтности. Здесь сталкивались не только «красные» и «белые». Сугубо националистическую позицию занимали «самостийники» в лице Украинской Рады и Петлюры. «Зеленые» и анархисты отстаивали свою «правду» и временами были ближе к «красным», чем к «белым» или националистам. Противостояние было особенно ожесточенным еще и потому, что после

германской оккупации в 1918 г. осталось очень мало оружия. В. И. Ленин и его соратники, борясь за Украину, шли на неоправданные территориальные и идеологические уступки.

Так, они подавили стремление создать Донецко-Криворожскую республику, в которую вошли в значительной мере русскоязычные области (Луганская, Донецкая, Днепропетровская, Харьковская, Сумская, Запорожская области, часть Херсонской области) и чисто российские территории (угольные округа Области войска Донского) [14, с. 35]. Они не прислушались к позиции главы республики Артема (Ф. А. Сергеева) о том, что «сохранение Донкривбасса в рамках Украины было бы несправедливо...» [15, с. 150]. Признав украинский этнос как самостоятельную единицу (что было далеко небесспорно), большевистское руководство сверхлояльно отнеслось к своим бывшим идейным врагам – боротьбистам и главному националисту М. С. Грушевскому.

Вообще И. В. Сталин был в большей степени реалистом, чем В. И. Ленин, и видел опасность неконтролируемого заигрывания с национализмом. Он писал В. И. Ленину: «Мы переживаем такую полосу развития... когда молодое поколение коммунистов на окраинах игру в независимость отказываются понимать как игру, упорно принимая слова о независимости за чистую монету и также упорно требуя от нас проведения в жизнь буквы конституции независимых республик... Если мы теперь же не постараемся приспособить форму взаимоотношений между центром и окраинами к фактическим взаимоотношениям, в силу которых окраины во всем основном должны подчиняться центру... то через год будет несравненно труднее отстоять фактическое единство советских республик...» [16, с. 147].

Есть основания полагать, что где-то в начале 1922 г. заканчивается начальный или предварительный этап консолидации советских республик, и к концу лета среди руководства большевистской партии вызревает идея унитарного государства с автономиями. Стратегически и идеологически намерение автономизации выглядело более перспективно, поскольку оно в большей мере сохраняло преемственность с конструкцией Российской империи и отвечало большевистскому приоритету дела мировой пролетарской революции над национальными отношениями. Однако тактически ленинский план федерализации выглядел привлекательнее: он позволял удовлетворить националистические амбиции отдельных республик. Федеративное устройство при соблюдении определенных условий являлось в тот конкретный момент времени вполне приемлемым.

Конструируемый федеративный союз первоначально имел относительно простую конфигурацию из четырех неравных субъектов. Сердцевиной ее была РСФСР, сама имевшая сложное строение. В 1921 г. при площади 2035 км² она включала 52 губернии и области, шесть автономных республик и две трудовые коммуны. Две автономные республики и семь автономных областей были образованы во второй половине 1921 и в 1922 г. На фоне подобного гигантизма даже Украинская ССР с ее площадью 446 854 км² выглядела весьма скромно, не говоря уже о Белорусской ССР (59,7 тыс. км²) и трех закавказских республиках – Азербайджане (87 тыс. км²), Грузии (65 970 км²) и Армении (39 019 км²), составивших собственную Закавказскую Федерацию [17, с. 64–69].

Видимо, процесс протофедерализации окончательно завершается в конце декабря 1922 г. с принятием Декларации и Договора об образовании СССР, хотя большая часть 1922 г. имела принципиальное значение для выхода на завершающий этап учреждения федеративного государства. Само это учреждение в условиях создания СССР сконцентрировало в себе два одновременно идущих процесса: конституционное закрепление и формирование институтов. В этом заключалось отличие от классических буржуазных федераций (например, США), где эти процессы развивались последовательно, чрезвычайные условия организации социалистического федерализма требовали концентрации усилий. Кроме того, инициаторы процессов могли себе это позволить: в их руках был контроль над будущими субъектами федерации посредством хорошо дисциплинированной марксистской партии с жестко концептуальной идеологией.

Разумеется, и у большевиков возникали трудности. Недолгие годы существования советских республик успели породить в отдельных регионах завышенные националистические

ожидания. В 1923 г., в период окончательного конструирования федерации, эти ожидания еще выходили в публичное поле.

Договор об образовании СССР от 30 декабря 1922 г., состоявший из 26 статей, был в большей степени договором о намерениях, хотя он и содержал перечень полномочий СССР, нормы и способы избрания высших законодательных органов, структуру Совнаркома СССР и совнаркомов союзных республик [18, с. 381–386]. Конституционные основы нового государства стали обсуждаться еще с октября 1922 г. специальной Комиссией, созданной Пленумом ЦК, а всесоюзные органы не были сформированы вплоть до середины 1923 г., в то время как «Президиум ЦК СССР не осуществлял текущую законодательную и распределительную работу» [19, с. 194].

Отсрочка, видимо, была связана со сложностью момента и различными проволочками, создаваемыми скрытыми и явными национал-большевиками (прежде всего с Украины). Например, на пленуме ЦК РКП(б) в феврале 1923 г. фигурировало заявление М. Ф. Фрунзе – заместителя Председателя СНК Украины, в котором он от имени ЦК Компартии Украины вносил предложения: «1. Подтвердить в категоричной форме необходимость отделения органов управления Союза Республик от существующих органов СССР; 2. Поручить Политбюро принять меры к немедленному конструированию не указанных в п. 1 началах типов управления Союза и РСФСР; 3. Признать необходимым пересмотр статей союзного договора в части, касающейся финансов (бюджет, займы), в направлении расширения бюджетных прав союзных республик...; 4. Признать необходимым расширение прав союзных республик в деле заключения концессионных договоров; 5. Избрать специальную комиссию ЦК для конкретной разработки вышеперечисленных предложений и для общего руководства разработкой Конституции Союза, осуществляемой Президиумом ЦИК Союза; 6. Отсрочить созыв заседаний сессии ЦИКа Союза на 2 месяца» [19, с. 195–196]. Еще более агрессивно выступил влиятельный национал-большевик Н. А. Скрыпник. Он обратил внимание, что на территории РСФСР проживает свыше 7 млн украинцев и демагогически потребовал вопреки мнениям местных партийных организаций ведение пропагандистской работы на российской территории только на украинском языке.

На первый взгляд, требования М. В. Фрунзе выглядели разумно, и с большинством из них Пленум ЦК согласился. Но вот не были ли эти требования продиктованы желанием урвать для союзной республики побольше полномочий?! Эти же властные амбиции украинских большевиков прозвучали и на XIII партийном съезде в апреле 1923 г. Так, председатель Госплана УССР Г. Ф. Гринько, наряду с «мантрой» дать республикам больше прав в области бюджетной и хозяйственной политики, взялся лоббировать «не свой вопрос» об украинском языке¹. Еще более раздражала оратора ситуация, что в Красной Армии не осуществляется общение на украинском языке и якобы «армия до сих пор остается орудием русификации украинского населения и всего инородного населения». Далее последовало обвинение всех несогласных с ним в «великодержавном шовинизме» и убийственное признание, что сами партийные кадры Украины не горят желанием переходить с русского на украинский язык². Наконец, апофеозом претензий на «националистическую истину» прозвучало выступление председателя Украинского Совнаркома болгарина Х. Г. Раковского, который не без доли демагогии заявил по поводу национального вопроса: «Я начинаю тревожиться за Советскую власть». Явной поддержкой прозвучал его провокационный вопрос: «Неужели же мы будем заставлять чекистов следить за тем, чтобы инородцы изучали русский язык?» Свою же речь сторонник расширения прав республик продолжил следующим образом: «нужно отнять от союзных комиссариатов девять десятых их прав и передать их национальным республикам»³.

Диагноз националистической болезни внутри РКП(б) должным образом и смело дал Первый секретарь Крымской Автономной Советской Социалистической Республики С. Саид-Галиев,

¹ Стенографический отчет (Двенадцатый съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 г.). М.: Политиздат, 1968. 903 с.

² Там же.

³ Там же.

с тревогой указав, что «перед нами не те группировки склочного характера, которые были запрещены X съездом. Мы имеем вполне естественные, исторически обоснованные группировки, до некоторой степени приближающиеся к характеру раскола Российской социал-демократической рабочей партии на две фракции – большевиков и меньшевиков». По его мнению, «общее руководство из рук наших парторганизаций переходит в руки небольших групп плюс беспартийная интеллигенция нацменьшинств образуется в единый фронт»¹.

Публичный и показательный разгром национал-большевизма произошел на IV Совещании ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей 9–12 июня 1923 г., которое было призвано осудить попытки члена коллегии Наркомата национальностей М. Х. Султан-Галиева привлечь сторонников к своему пан-тюркистскому и пан-исламистскому проекту. Данный деятель был обвинен в попытке создать нелегальную антипартийную организацию, подорвать доверие к русскому пролетариату, связаться с буржуазными деятелями исламских Турции и Персии. Позднее стали известны подробности планов оппозиционера, который предполагал раздел РСФСР, т.е. фактическую конфедерализацию СССР путем выделения: 1) Федерации Урало-Волжских республик; 2) Общекавказской федерации (объединявшей Северный Кавказ, Закавказье и Кубань); 3) Казахстана; 4) Средней Азии. Надо ли говорить, что подобные проекты подрывали единство нашей Родины и дискредитировали ее славное имперское прошлое, отражали не интересы конкретных этносов (мнение которых никто не удосужился узнать даже в самой предварительной форме), а конфессионально-властные фантазии маленькой группы прожектеров!

С лета 1923 г. процессы конституционализации и создания нового государственного аппарата вошли в финальную стадию. Проект Конституции СССР был одобрен сессиями ЦИК союзных республик, а затем утвержден и введен в действие II сессией ЦИК СССР. Главой Правительства был избран больной и недееспособный В. И. Ленин, а его заместителями стали Л. Б. Каменев (Председатель Совета Труда и Оборона), М. Д. Орахелашвили (Председатель Совнаркома Закавказской Федерации), А. И. Рыков (Председатель Высшего Совета Народного Хозяйства), А. Д. Цюрупа (нарком Рабоче-Крестьянской Инспекции), В. Я. Чубарь (Председатель Совнаркома Украины). В состав Совнаркома СССР были включены также пять руководителей общесоюзных наркоматов и пять руководителей объединенных союзно-республиканских наркоматов. В то же время руководство партии постаралось избавиться от слишком активных национал-большевиков. Х. Г. Раковский был направлен на дипломатическую работу. Симпатизировавший Султан-Галиеву Т. Р. Рыскулов (председатель Совнаркома Туркестанской АССР) был перемещен в Коминторг, а грузинские уклонисты, мечтавшие о «великой Грузии» вне рамок Закавказской Федерации (П. Г. Мдивани и др.), были переведены на работу за ее пределами [20, с. 39]. Таким образом, к январю 1924 г., т.е. к моменту II Всесоюзного Съезда Советов и окончательного принятия Конституции СССР, учреждение советского федерализма завершилось. Но впереди был длительный процесс его совершенствования.

Список литературы

1. Гуляков А. Д. Федерализм: возникновение и основные направления развития (историко-государствоведческое исследование) : монография. М. : РИОР, 2019. 388 с. doi: [10.29039/02016-6](https://doi.org/10.29039/02016-6) EDN: [DZEGJS](https://esj.pnzgu.ru/doi/10.29039/02016-6)
2. Федерализм : учеб. пособие / С. Е. Заславский [и др.] ; под общ. ред. В. И. Коваленко, О. В. Морозова. М. : МГУ им. М. В. Ломоносова, 2016. 496 с. EDN: [QNSFXL](https://esj.pnzgu.ru/doi/10.29039/02016-6)
3. Югай А. Ф. Провозглашение Российской Советской Социалистической Федерации и образование ее субъектов в первой половине 1918 года // Ученые записки. Ученые записки Саратовского юридического института. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1960. Вып. 9. С. 3–41.
4. Ким А. И. К вопросу о государственно-правовой природе РСФСР // Правоведение. 1960. № 1. С. 26–33.
5. Бочкарева И. Б., Лысенко Ю. А. «Национальный вопрос» и становление Советской власти в Туркестане (1917–1921) // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 424. С. 100–110. doi: [10.17223/15617793/429/12](https://doi.org/10.17223/15617793/429/12) EDN: [XQWPLV](https://esj.pnzgu.ru/doi/10.17223/15617793/429/12)

¹ Там же.

6. Размахов К. Е. Создание советской автономии в Туркестане в 1917–1918 гг. // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 9. С. 42–46. EDN: [RKNZVX](#)
7. Красовицкая Т. Ю. Федерализм тюркских элит в модернистских и большевистских схемах // Мир Большого Алтая. 2019. Т. 5, № 2. С. 260–279. doi: [10.31551/2410-2725-2019-5-2-260-279](#) EDN: [QKIZUD](#)
8. Галиахметов И. И. О проектах государственности татарского и башкирского народов в 1917–1920 гг. // Общество: философия, история, культура. 2018. № 2. doi: [10.24158/fik.2018.1.14](#) EDN: [YLLTER](#)
9. Национальный вопрос на перекрестке мнений, 20-е гг. : документы и материалы / сост. В. А. Горный [и др.]. М. : Наука, 1992. 268 с.
10. Баторшина И. И., Манкевич М. А. Сравнительный анализ переходных процессов в Литовской Республике в 1917–1922 и 1989–1991 гг. // Вестник Московского государственного областного университета. 2013. № 4. С. 7. EDN: [RWBQCB](#)
11. Аманжолова Д. А., Красовицкая Т. Ю. Культурная сложность Советской России: идеология и практики управления. 1917–1941 гг. : монография. М. : Новый хронограф, 2020. 384 с. EDN: [LDEQYF](#)
12. Карр Э. Х. История Советской России : в 14 т. Кн. 1, т. 1–2: Большевистская революция 1917–1923 / пер. с англ., авт. вступ. сл. к рус. изд. А. П. Ненароков. М. : Прогресс, 1990. 763 с.
13. Кутилова Л. А. Этническая мобилизация в 1917 г.: съезд народов России и его идеи трансформации государственного устройства // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 437. С. 143–147. doi: [10.17223/15617793/437/20](#) EDN: [YYNVVZ](#)
14. Скворцова Л. А. История России. Макеевка : Донбасская национальная академия строительства и архитектуры, 2021. 181 с.
15. Груздов В. В., Бабичев Д. А., Бабичева Н. А. История самоопределения народа Донбасса. Опыт Донецко-Криворожской Советской Республики // Вестник Костромского государственного университета. 2019. № 3. С. 148–152. doi: [10.34216/1998-0817-2019-25-3-148-152](#) EDN: [TIFWQG](#)
16. Медведев А. А. Подлинная история русского и украинского народа. М. : ЭКСМО, 2015. 506 с.
17. Поляков Ю. А. Советская страна после окончания Гражданской войны: территория и население. М. : Наука, 1986. 272 с. EDN: [RXAZVN](#)
18. Образование Союза Советских Социалистических Республик : сборник документов / под ред. Ю. И. Кораблева. М. : Наука, 1972. 533 с.
19. Якубовская С. И. Строительство Союзного Советского социалистического государства. 1922–1925 гг. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1960. 400 с.
20. Вдовин А. И. СССР. История великой державы. 1922–1991 гг. : монография. М. : Проспект, 2023. 800 с. EDN: [NYACEU](#)

References

1. Gulyakov A.D. *Federalizm: vzniknovenie i osnovnye napravleniya razvitiya (istoriko-gosudarstvovedcheskoe issledovanie): monografiya = Federalism: origin and main directions of development (historical and political studies research): monograph*. Moscow: RIOR, 2019:388. (In Russ.). doi: [10.29039/02016-6](#)
2. Zaslavskiy S.E. et al. *Federalizm: uchebnoe posobie = Federalism: study guide*. Moscow: MGU im. M.V. Lomonosova, 2016:496. (In Russ.)
3. Yugay A.F. Proclamation of the Russian Soviet Socialist Federation and the formation of its subjects in the first half of 1918. *Uchenye zapiski. Uchenye zapiski Saratovskogo yuridicheskogo instituta = Scientific notes. Scientific notes of the Saratov Law Institute*. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 1960;(9):3–41. (In Russ.)
4. Kim A.I. On the issue of the state-legal nature of the RSFSR. *Pravovedenie = Jurisprudence*. 1960;(1):26–33. (In Russ.)
5. Bochkareva I.B., Lysenko Yu.A. “The national question” and the establishment of Soviet power in Turkestan (1917–1921). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University*. 2018;(424):100–110. (In Russ.). doi: [10.17223/15617793/429/12](#)
6. Razmakhov K.E. Creation of Soviet autonomy in Turkestan in 1917–1918. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2013;(9):42–46. (In Russ.)
7. Krasovitskaya T.Yu. Federalism of Turkic elites in modernist and bolshevik schemes. *Mir Bol'shogo Altaya = The World of Great Altai*. 2019;5(2):260–279. (In Russ.). doi: [10.31551/2410-2725-2019-5-2-260-279](#)

8. Galiakhmetov I.I. About statehood projects of the Tatar and Bashkir peoples in 1917–1920. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura = Society: philosophy, history, culture*. 2018;(2). (In Russ.). doi: [10.24158/fik.2018.1.14](https://doi.org/10.24158/fik.2018.1.14)
9. Gornyy V.A. et al. (comp.). *Natsional'nyy vopros na perekrestke mneniy, 20-e gg.: dokumenty i materialy = The national question at the crossroads of opinions, 1920s: documents and materials*. Moscow: Nauka, 1992:268. (In Russ.)
10. Batorshina I.I., Mankevich M.A. Comparative analysis of transition processes in the Republic of Lithuania in 1917–1922 and 1989–1991. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta = Bulletin of Moscow State Regional University*. 2013;(4):7. (In Russ.)
11. Amanzholova D.A., Krasovitskaya T.Yu. *Kul'turnaya slozhnost' Sovetskoy Rossii: ideologiya i praktiki upravleniya. 1917–1941 gg.: monografiya = Cultural complexity of Soviet Russia: ideology and management practices 1917–1941: monograph*. Moscow: Novyy khronograf, 2020:384. (In Russ.)
12. Karr E.Kh. *Istoriya Sovetskoy Rossii: v 14 t.: Kn. 1, T. 1–2: Bol'shevistskaya revolyutsiya 1917–1923 = History of Soviet Russia: in 14 volumes: Book 1, Vol. 1–2: Bolshevik Revolution 1917–1923*. Moscow: Progress, 1990:763. (In Russ.)
13. Kutilova L.A. Ethnic mobilization in 1917: the Congress of the Peoples of Russia and its ideas for transforming the state structure. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University*. 2018;(437):143–147. (In Russ.). doi: [10.17223/15617793/437/20](https://doi.org/10.17223/15617793/437/20)
14. Skvortsova L.A. *Istoriya Rossii = History of Russia*. Makeevka: Donbasskaya natsional'naya akademiya stroitel'stva i arkhitektury, 2021:181. (In Russ.)
15. Gruzlov V.V., Babichev D.A., Babicheva N.A. History of self-determination of the people of Donbass. Experience of the Donetsk-Krivoy Rog Soviet Republic. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Kostroma State University*. 2019;(3):148–152. (In Russ.). doi: [10.34216/1998-0817-2019-25-3-148-152](https://doi.org/10.34216/1998-0817-2019-25-3-148-152)
16. Medvedev A.A. *Podlinnaya istoriya russkogo i ukrainskogo naroda = The true history of the Russian and Ukrainian people*. Moscow: EKSMO, 2015:506. (In Russ.)
17. Polyakov Yu.A. *Sovetskaya strana posle okonchaniya Grazhdanskoy voyny: territoriya i nasele-nie = The Soviet Union after the end of the Civil War: territory and population*. Moscow: Nauka, 1986:272. (In Russ.)
18. Korablev Yu.I. (ed.). *Obrazovanie Soyuza Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik. Sbornik dokumentov = Formation of the Union of Soviet Socialist Republics. Collection of documents*. Moscow: Nauka, 1972:533. (In Russ.)
19. Yakubovskaya S.I. *Stroitel'stvo Soyuznogo Sovetskogo sotsialisticheskogo gosudarstva. 1922–1925 gg. = Construction of the Union Soviet Socialist State. 1922–1925*. Moscow: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1960:400. (In Russ.)
20. Vdovin A.I. *SSSR. Istoriya velikoy derzhavy. 1922–1991 gg.: monografiya = USSR. History of a Great Power. 1922–1991: monograph*. Moscow: Prospekt, 2023:800. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

P. P. Akzhigitov – аспирант, Пензенский государственный университет, 440026, г. Пенза, ул. Красная, 40.

R.R. Akzhigitov – Postgraduate student, Penza State University, 40 Krasnaya street, Penza, 440026.

**Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов /
The author declares no conflict of interests**

Поступила в редакцию / Received 18.11.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 17.01.2025

Принята к публикации / Accepted 28.02.2025